

Четыре года назад.

Лен Сабино проснулась на матрасе, в комнате было холодно и зябко. Вода просачивалась через деревянный потолок, дождь хлестал в окно. Вдали гремел гром, приближалась буря. Невзирая на шум, Райан крепко спал рядом с ней, храпя почти так же громко, как гром.

— Эй, Рири, ты спишь? — прошептала она, но парень не ответил. Спящий Райан был милым, а свой храп он всегда полностью отрицал.

Лен вспомнила тот день, когда они с отцом нашли его в руинах деревни, разрушенной мародёрами. Он прятался в подвале, вся его община была мертва, а их скот угнали. Если бы она не обыскала его дом в поисках припасов, Лен, возможно, никогда бы не встретила Райана.

Они держались вместе долгие годы, никогда не отходя далеко друг от друга. Они пережили войны, папины приступы ярости, мародёров и Геномов. Всегда вместе, даже спали в одной постели. Они были братом и сестрой во всём, кроме фамилии... только она хотела, чтобы они стали чем-то большим, но она была слишком застенчива, чтобы произнести это вслух. У неё никогда не было парня, и она не понимала, как это всё работает.

Если бы только он сделал первый шаг.

Лен оглядела комнату. Тихий деревянный дом на крутом склоне холма вблизи Альп был чем-то вроде охотничьего домика. Прежние владельцы покинули его несколько лет назад, либо прогнанные мародёрами, либо ушедшие в сторону восстанавливаемых городов в поисках защиты. Все говорили о Новом Риме, когда ей удавалось поговорить с кем-то не из её семьи и без вмешательства папы.

Райан так и не проснулся, и Лен в своей пижаме встала с кровати и обыскала комнату. Её спутник оставил свои штаны на стуле, и, хотя это было некрасиво, девушка заглянула в его карманы.

Синий эликсир будто бы засиял, когда снаружи сверкнула молния.

Прошли недели с тех пор, как они ушли из Венеции, и отец до сих пор не обнаружил зелья. Три дня назад он оставил детей одних, чтобы собрать вещи поблизости. Она надеялась, что на этот раз он никого не убьёт.

Лен знала, что её отец вернётся. Райан желал, чтобы нет. Он боялся папы, ненавидел его.

Лен его понимала. С папой было... тяжело. Он уже выпивал слишком много, после того как мама ушла от них в другую семью, но он старался изо всех сил, чтобы вырастить Лен и её брата. Когда Чезаре погиб во время бомбёжки, что-то внутри папы сломалось и так и не восстановилось. Эликсиры стали последней каплей, переполнившей чашу, и он стал вымещать свою боль на других.

Но несмотря ни на что, он всё ещё был её отцом.

Лен смотрела на зелье со смесью страха и надежды. Она знала, как папа может отреагировать, если она его выпьет, но... Синие Эликсиры делают людей умнее. Гениями. Мехрон выпил такой и изобрёл роботов-убийц и орбитальные лазеры.

Если бы он дал ей силу знаний, может, у неё получилось бы создать лекарство для папы. Сделать его снова нормальным. Превратить их группу в настоящую семью, вместо того... чем они были сейчас.

Лен колебалась, бросила быстрый взгляд на Райана, после чего ушла в другую комнату. В гараж позади.

Здесь царил полный хаос; он был скорее складом, куда предыдущие владельцы складывали всё, что попадалось в их руки. Книги, автомобильные детали, инструменты, лампы... даже старый холодильник и стиральная машина, давно вышедшая из строя.

Но здесь была мастерская, возможно, использовавшаяся для снятия шкур с животных. Поскольку электричества не было, Лен пришлось зажечь свечу, чтобы хоть что-то видеть и немного согреться. Она села за верстак и изучила Эликсир. На сосуде не было ни предупреждения, ни информации, только символ спирали. Это был прыжок в неизвестность. Прямая инъекция пугала её, поэтому она решила проглотить вещество. Она видела, как это делал папа, так что это должно сработать.

Глубоко и размеренно дыша, Лен вынула шприц и залпом выпила зелье.

Вкус вещества был непохож ни на что, что она когда-либо пробовала. В нём смешалась текстура солёной воды с чужеродными вкусами, ни сладкими, ни солёными, ни кислыми, ни горькими. Жидкость вообще не содержала натуральных компонентов.

Что ещё более странно, вещество растворилось в её плоти. Когда она его выпила, Эликсир исчез ещё до того, как успел попасть в её желудок; он попал прямо в её кровоток через язык и рот, минуя нормальный процесс пищеварения. За несколько секунд Лен проглотила его целиком.

Несколько секунд ничего не происходило. Лен положила пустой шприц на верстак, гадая, не пошло ли что-то не так. Неужели прошло слишком времени, и Эликсир лишился своего эффекта?

А потом её разум запылал.

Маниакальная волна божественного вдохновения охватила Лен, идеи текли в её голову. Сырая, чистая информация заполнила её мозг, как поток воды, прорвавшийся через плотину, расширив её нейроны, изменив всё её понимание Вселенной. Она не могла пошевелиться, её сознание застыло, пытаясь переварить огромную массу нового контента.

Её тело онемело, волна синей энергии прошла по её нервам, костям, органам. Это длилось недолго, но интенсивно, всё её «я» изменилось на фундаментальном уровне.

По мере продолжения мутации Лен вошла в что-то вроде состояния фуги[2]. Ею овладело желание творить; эта сила требовала, чтобы её использовали, как ребёнок, желающий появиться на этот свет. Когда синий свет покинул её тело, руки Лен схватили остатки холодильника, инструменты, стиральную машинку и всё, до чего могли дотянуться.

Она не знала, как долго находилась в этом маниакальном состоянии. Может быть, минуты, может быть, часы. В тот период всё остальное не имело значения; ни папа, ни Райан, ни остальной мир. Ей нужно было что-то создать, что угодно.

Когда волна утихла и Лен восстановила контроль над собой, она превратила холодильник и остальное барахло в какую-то громоздкую батисферу. Она каким-то образом покрасила её в красный цвет и даже добавила молот и сломанный серп в окончательный дизайн; даже в этом состоянии фуги её личность проявила себя.

Она почти интуитивно понимала природу своей силы. Всё сводилось к одному слову.

Вода.

Её сила была связана с водой. Как она работала. Как понять морскую жизнь и как приспособить наземных животных, чтобы те выжили под водой. Как изменить океан в мировом масштабе, как создать технологию, способную противостоять глубоководному давлению, как создать устройства, способные вызывать цунами. Она знала, какие существа живут в самых тёмных безднах планеты и как она могла общаться с ними. Её сила дала ей всю необходимую информацию, позволив её собственному творчеству заполнить пробелы.

Для Лен, которая всегда любила море и рассказы Жюль Верна, это было сбывшейся мечтой. Это заставило её задуматься, даёт ли Эликсир силы, основанные на личности человека, предоставляя ту способность, которая ему понравится, в зависимости от выбранного цвета.

Но, несмотря на все чудеса, её сила не поможет папе.

Она не поможет папе! Она не могла придумать ни единого способа вылечить его, даже с её развитым интеллектом! Она даже не понимала, как работает его уникальная биология, не говоря уже о том, как бороться с его безумием! Она могла создавать подводные лодки, машины для цунами, устройства для контроля воды, но ничего, что могло бы помочь ей понять Эликсиры, не говоря уже о безумии, которое они вызывали! И он...

— Лен.

Лен повернулась к двери, Райан, до сих пор в пижаме, вошёл в гараж. Он взглянул на мини-подводную лодку, затем на пустую бутылку; из его рта не вырвалось ни слова, но его глаза расширились.

— Мне пришлось, — сказала Лен прерывистым голосом. — Пришлось.

В его взгляде не было осуждения, только беспокойство.

— Стоило того?

Лен поражённо покачала головой, рухнув на скамейку. Творческий всплеск утомил её, как если бы она бегала часами.

Она почувствовала его руку на своём плече. Она подняла голову, Райан тепло ей улыбнулся.

— Эй, — сказал он, указывая на батисферу. — Она всё ещё прекрасна. Теперь ты можешь ссылать рыбу в Сибирь, если будет плохо вести себя.

Эта глупая шутка была ни к месту, но рассмешила Лен.

— Ты ужасен, — ответила она, и напряжение испарилось. — Я должна отправить тебя в ГУЛАГ.

— Мы оба знаем, что это временное решение.

— А если серьёзно, — ухмыльнулась Лен, — мы могли бы путешествовать. Я могу сделать Наутилус из металлолома...

Они услышали, как снаружи был снят замок и открылась дверь домика.

— Лен? Чезаре? — Голос Кровотока эхом разнёсся по хижине вместе с громом, рука Райана на плече Лен напряглась. — Где вы? Мы должны идти!

— Спрячься, — сказал Райан, паника переполняла его голос. — Тебе нужно спрятаться.

— Где? — печально ответила Лен. — Здесь некуда идти.

— Нам нужно уходить, бомжи снова восстают! Они убили моего клона в...

Когда Кровоток вошёл в гараж, оставляя за собой кровавые следы, Райан заслонил собой Лен. Псих, не говоря ни слова, изучал свою дочь; кровь, из которой состояло всё его тело, колебалась, как бушующий океан.

— Лен. — Поведение папы внезапно изменилось с тёплого на напряжённое. — Что это я чувствую?

— Папа...

— Что я чувствую в твоей крови?

Райан заслонял Лен, как рыцарь в сияющих доспехах, спасающий её от разъярённого дракона. Но, при всей его храбрости, меча у него не было.

— Ты... ты солгала мне... — злобно прохрипел Кровоток, его пальцы превратились в когти. — Ты солгала своему отцу!

Лен замерла. Она внезапно почувствовала себя такой маленькой, а весь мир — таким холодным и неприветливым.

— Эта сила не для тебя! — сердито прорычал папа. — Она для меня! Всегда предназначалась мне! Неужели ты не понимаешь, глупая дочка? Я брал её ради тебя! Брал, чтобы защитить тебя! Защитить от этого больного мира!

— Я знаю... — извинилась Гений, опустив глаза. — Я знаю.

Это была её вина. Если бы она была сильной... если бы она была сильной, папе не пришлось бы принимать эти зелья и превращаться в монстра.

— С тех пор, как твоя мать бросила нас, это была моя ответственность! Моя! — Папа успокоился, но угроза в его голосе только усилилась. — Ты будешь наказана.

— Папа, пожалуйста...

— Не трогай её! — Райан попытался остановить Психа, но Кровоток одним яростным ударом

наотмашь смёл его с пути, отправив парня на пол. Отец подошёл к Лен, подняв руки, чтобы задушить её.

Его дочь закрыла глаза и не сопротивлялась. Она просто ждала неизбежного.

Но ничего не произошло.

Она снова открыла глаза, глядя на безликое лицо отца. Его когти остановились в дюйме от шеи дочери, Кровоток дрожал, будто страдал от болезни Паркинсона.

— Нет... — Папа внезапно обхватил голову обеими руками, борясь с головной болью. — Нет... не её... не Лен... я не могу... я могу это контролировать... я могу...

Кровоток вышел из гаража, его последние угольки человечности боролись с зависимостью от Эликсира. Папа исчез в домике, Лен услышала, как он ударился головой о стену.

Райан оправился от удара, Лен протянула руку, чтобы помочь ему встать на ноги.

— Ты в порядке? — озабоченно спросила она. Из его носа текла кровь; не Кровотока, а его собственная.

— Ага, — сказал он, хотя явно был потрясён. — Ага.

— Ты был очень храбрым, — она, немного покраснев, попыталась подбодрить его. — Это было очень героично.

Вместо того чтобы отвечать словами, он поцеловал её.

Лен ахнула, когда он без предупреждения притянул её к себе, его губы прижались к её. Это был поцелуй, порождённый голодом, первобытным желанием комфорта и человеческого контакта.

Это было...

Это было хорошо.

После всего этого страха и напряжения это просто было хорошо.

Они быстро разорвали объятия, когда услышали, как папа заполз обратно в комнату, при этом немного отойдя друг от друга. Лен не могла сказать, было это из-за страха раскрытия или же от смущения.

— Я... я в порядке... я ясно вижу... — Кровоток выглядел более спокойным, но он не упомянул об инциденте. Он даже не признал ни Райана, ни его травму. — Теперь я ясно вижу. Ты умна, Лен. Теперь ты ещё умнее. Ты можешь сделать что угодно.

— Д-да, то есть, нет. — Лен с тревогой прочистила горло. — Я не могу сделать что угодно, но могу строить всякое.

— Мы уходим, — внезапно объявил Кровоток. — Люди гонятся за мной. За нами. Они уничтожают моих клонов и приближаются. Ты сделаешь подводную лодку, и мы уплывём. В любом случае было всё труднее и труднее найти места, куда можно вторгнуться.

— Куда уплывём? — очень осторожно спросил Райан.

— Как насчёт Америки? — ответил Кровоток, скрестив руки. — Страна возможностей, Голливуд! Мы будем там звёздами, звёздами! Как Кардашьян!

— Я... — Лен думала, что это безумие. Они почти ничего не знали о том, как обстоят дела во Франции, не говоря уже о той стороне Атлантики! — Я попробую, папа...

— Всё будет хорошо. — И Лен, и Райан напряглись, когда папа почти по-отечески положил им руки на голову. — Мы всегда будем вместе.

◇□◇□◇

Наши дни.

Тишина и тьма.

Дно океана было самым мирным местом на Земле. На поверхности всегда можно было услышать какие-то звуки. Пение птиц. Колыхающий траву ветер. Гудки машин. Стоны шлюх и наркоманов Ржавого города.

Здесь, в глубочайшей бездне Средиземного моря, Лен была наедине со своими мыслями.

Ей это нравилось.

Неся с собой плазменный фонарик, адаптированный для подводных условий, и одетая в свою водолазную броню, Гений работала над ремонтом внешней оболочки базы. Некоторые из стальных частей не выдержали глубоководного давления, что ослабило часть модульной

обитатели. Хотя она спроектировала это место с высокой степенью модульности, где каждый «дом» был независим от других, любая протечка могла вызвать катастрофу.

Если однажды ему суждено приютить у себя жизнь, он должен быть совершенно безопасным. Безопасным от ужасов и тьмы снаружи.

Антидепрессанты притупили сознание Лен, заставили её оцепенеть после первоначального маниакального приступа, но её сила всё равно позволяла ей сосредоточиться. Во всяком случае, она чувствовала себя по-настоящему счастливой только во время работы. Использование силы наполняло Лен эйфорией, давало ей чувство цели и направления, которых не хватало в её жизни.

«На поверхности, наверное, ночь, — подумала Гений. — Интересно...»

Не в силах подавить любопытство, Лен ненадолго включила радио, слушая разговор на поверхности во время работы.

«Существование субъективно».

«М-м-м?» — Даже сейчас, услышав голос Райана, Лен испугалась и чуть не уронила инструмент.

«Ответ на твой вопрос о том, существую ли я, если ты можешь повернуть время вспять». — Лен не узнала этот голос. Кто-то новый. — «Мы никогда не узнаем, существуем ли, так что о существовании нет объективной правды».

«Ты до сих пор думаешь об этом?»

«Да. Это беспокоит».

«Эх, ты свыкнешься с неопределённостью».

Нет, не свыкнешься.

Она не смогла.

Лен какое-то время подслушивала хронорадио Райана, затем выключила звук. Она наблюдала за ним издали на следующий день после того, как он прибыл в Новый Рим, когда он был близок к берегу. Гений могла поклясться, что он знал, что она рядом, и это заставило её отступить под воду.

Райан искал её. Искал много лет.

И она не знала, что ему сказать.

[1] Возможно, это отсылка к песне «Under The Sea» («А под водой» в локализации) из мультфильма «Русалочка» 1989 года

[2] Редкое диссоциативное психическое расстройство, характеризующееся внезапным, но целенаправленным переездом в незнакомое место, после чего человек полностью забывает всю информацию о себе, вплоть до имени. Память на универсальную информацию (литература, науки и т. д.) сохраняется. Сохраняется и способность запоминать новое.

Личность в состоянии фуги присваивает себе новую идентичность (полностью или частично), может наблюдаться смена характера, манер, привычек и поведения на совершенно иное. Они могут найти другую работу (обычно никак не связанную с прежней) и вести внешне нормальную жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/47272/1490814>